

Виктор  
Брусницин

# ПРАКТИКА

# Виктор Брусницин

## Практика

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9367956](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367956)*

*ISBN 978-5-4474-0713-1*

### Аннотация

Биографическая повесть, основанная на одном редком эпизоде судьбы. Размышления о зависимости от случая, жизни вообще, литературе.

# Практика

## Виктор Брусницин

*Чем дальше удаляется прошлое, тем старательнее я выдумываю свой характер».*  
**Изабель Эберхарт**

*– Барин один что делает?  
– Так держит себя хорошо: ничего не делает.*  
**Гоголь.**

© Виктор Брусницин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Благословенна будь молодость! – что как не она напрягает и наращивает мускулы мысли и тела, неумолимо впечатляет прелестью обстоятельств и претворяет в смысл упоение жизненными мелочами, обескураживает уютом противоречий и в гармонический порядок выстраивает образы. Что как не молодость набрасывает абрис судьбы и чертит вектор путешествия.

Мы так и не сошлись позже, кто первый предложил эту авантюру. Имела место лекция, где традиционно происходило валяние дурака (во всяком случае нашей кучкой). Под этим разумелся довольно ограниченный ассортимент дея-

ний от морского боя и подобной пустятины до лирических извлечений, сочинения эпиграмм и прочего стихосложения (например, призывные пассажи Ваньки Антонова фасона «меркнут звезды Зодиака, спит Собака, Водолей, выпьем что ли кониака, сердцу станет веселей» (это, кажется, парафраза Заболоцкого и Пушкина)).

Стало быть, кучка. Сережка Емельянов, Емеля, душа, долговязое существо с уже тогда признаками импозантной сутулости, отчего-то воскрешающее (особенно с возрастом) кобру. Лешка Меньшиков, на самом деле Леонид, ироничный, вполне амбициозный пацан, хотя, как мне особенно с годами стало понятно, крестьянской закваски. Это он практически бескорыстно оделил меня многими годами позже значительной суммой, открыв тем самым доступ к наиболее замечательному – я теперь убежден в этом – периоду жизни. Валерка Кондаков (Конде) – тогда мой ближайший институтский друбан, закадычный собутыльник (мы двое были городские, первые – общежитские). Его папаша существовал шишкой в областном профсоюзе работников искусства, Валерка, соответственно, что-то знал (тогда мало кто слышал, скажем, термин модернизм), и я, уже имея органическую тягу к божественному образу жизни, хоть и слабо подозревая об этом, с жадностью впитывал его дилетантские наиздания... Ваш слуга – абсолютный оболтус, угадавший в горный институт по совершеннейшему недоразумению (только после двух лет учебы я узнал, на кого же нас готовят).

Предстояла производственная практика, нам, как далеко не первым студентам (прилично учился из нас только Ле-ха), выбор доставался невеликий. Стоял невнятный и общий треп о каверзе по имени жизнь, чья-то скользящая мысль потревожила слово Сахалин.

– У меня родственники там живут, – сделал бессмысленный звук Конде.

Всяк уронил что мог – имели манеру говорить по любому поводу, это представлялось тогда значительностью натуры. Тут-то Леха и прошипел:

– Блин, если бы на Сахалин угодить.

– Дурак что ли! – авторитетно крякнул я. – Кто тебя пустил (имелось в виду нас, троешников – впрочем, и вообще).

Впрямь, практика на Сахалине не только в разрядке не существовала, но и представима была с трудом.

– Я знаю одного старшекурсника, он ездил, – настаивал Леха.

– Да как он туда попал? – хором не поверили остальные.

– Письмо написал с просьбой прислать вызов.

Думали недолго – письмо, сами понимаете, отличное времяпрепровождение... Каково же было удивление, когда через некоторое время нас вызвали в ректорат.

– На Сахалин писали? – хмуро поинтересовалась ученый секретарь.

Перепуганное «угу».

– Пришел вызов, – тетя зачитала наши фамилии.

Затем уже проректор внушал: «Во-первых, это вообще не практикуется. Но главное: кто же будет возмещать бешеную стоимость самолета?» И когда кто-то озарился идеей, что частично (там был крайний предел компенсации) оплатим билеты сами, ударили по рукам – проректор, вероятно, был в помутнении... Отменно помню: когда вышли из ректората, похожий на велосипед Емеля издал ликующий гик и, замечательно расшоперив мослы, совершил неимоверный прыжок. Радость была неопишима.

На самолете, положим, я уже летал, но тот перелет, конечно, остался самым. Разумеется, мы напропалую кокетничали со стюардессой, взогретые принятием из плоских, удобных для сокрытия бутылочек коньяка. Понятно, что величественный Байкал, огромный, надежный и кондовый, копошил жаждающие малейшей внешней инициативы эмоции. И естественно, мы угодили в грозу. Исполинские айсберги облаков, изумительные в пышности и невероятные по колориту, и непередаваемая смесь ощущений при ослепительных разрядах молний, близких, сжимающих в чудесном страхе и торжестве. Карнавал стихии. Амур, бледная жилка, вьющаяся меж туманных, малахитовых сопок. Океан наконец – Татарский пролив, разумеется, однако океан, никак не меньше. Южно-Сахалинск.

Заранее было уготовано, в столице острова мы временно оседаем у родственников Конде. Первое впечатление: спросили у парня искомую улицу, выбравшись из чахлого автобу-

са в обширном районе деревянных одноэтажных строений. Тот задумчиво скребнул щеку.

– Эй, Валера! – обратился к бредущему неподалеку корейцу. – Где восьмое марта?

Тот указал. Думали знакомый, однако нет: всех корейских парней кличут Валерами. Девушек – Наташами.

Встретили нас радушно. Отобедав и рассовав принадлежности, кинулись оглядывать окрестности.

Всем знакомо чувство странной власти, когда попадаешь в чужой город. Люди, дома, сам воздух наделяются особыми красками, оттенками, свойствами, – возникает ощущение, что все это предназначено именно тебе. А тут дома советской архитектуры – мы поехали в центр – перемешаны были с пагодами и прочими сооружениями, несущими стиль востока – вы нам откажете во вспышках субтропического озноба? Изумительные пирожки с черемшой (корейцы, что их готовят, говорят «с чемчой»), морс на клоповнике, ягоде, похожей на барбарис. И почти сходу мы окунулись в... ну конечно приключение, как еще можно квалифицировать все, что происходило в те минуты.

Там состоялся пивной ларек с унылой очередью – не так чтобы и великой – венчавшейся примечательной парочкой. Два разнополых существа являли собой безусловную живопись. Невыносимое ремьё, наброшенное, извините, на даму, тухлый взгляд и сиплые ноты, по-видимому, имитирующие речь, кричали о забубенном бытии. Однако если тут еще

просматривался какой-то первичный половой признак, то спутник ее никаких иных реакций кроме содрогания не вызывал. Это были два откровенных бичары, и если таковое определение дает снисхождение – бичами с налетом некоего сочувствия (бывший интеллигентный человек – Аксенов считает, от английского «пляж») именовались в те времена клошары по обстоятельствам – то диалог, который они вели, даже эту романтическую натяжку убивал напрочь.

– Крыса, ну пойдем, а? – хрипло нудило существо предположительно мужского пола. – Ну охота, Крыса (возможно, это было покушение на Краса, но логика неумолимо торжествовала).

При этом вещество косило взгляд куда-то мимо объекта вожделения и в мутных глазах, гнусно очерченных вечным синяком, лежала смесь отчаянья, злобы, и вселенской тоски.

– Да успеешь, отсандалишь! – зверски жахнула соперница глазами на претендента, и начала ржать, по всей видимости, впечатленная сарказмом исполненной фразы.

По внешнему виду и предположить было трудно, что парочка озабочена, – по существу, даже представление самого процесса в исполнении этих деятелей представлялось кошунством, да что там, колебалась сама актуальность темы (в те года исключительно «резвился бес в отрогах чресл»). Однако не те ребята, тетя окаянно стрельнула взглядом в нашу сторону и заржала пуще, надо думать, приглашая и нас оценить остроту. И каково мы? – пас был взят. Первым от-

реагировал Емеля, он, как-то величественно ссутулившись, вперил заинтересованный и здесь же вялый взгляд и лаконично вякнул:

– И непременно рачком-с.

В глазах существа незамедлительно ерзнул бравый блик. Вдруг взбодрилась осанка, ей богу, несколько налилась грудь и, черт возьми, в глазах отдаленно мелькнуло то чудесное таинство, что и составляет гораздо факт женского обаяния.

– Позвольте внести дополнение, *господа* (отмечу: этот набор букв в те годы напрочь не произносили) – очень уместно было бы применить *кондон* (я не слышал более, чтоб это слово произносили с таким амбрё). – Поверьте мне, голос мадам звучал теперь вполне румяно.

Разумеется, я не мог пройти мимо обстоятельства.

– Смотри сюда, – как можно небрежней прозвучал я, – делаешь вот так... – Я продемонстрировал несколько непристойных, но оригинальных жестов, которые имели хождение в среде моих свердловских приятелей. – Кондон же непременно с квакушкой, японский – Свиридов будет рыдать от зависти.

Особь взвыла от восторга.

– Один ноль в твою пользу... – изрекла, оклемавшись, органон. И добавила, жеманно потупив взор и кокетливо отмахнув ладошку: – Несносный!

Я гордым взглядом обвел друзей, прихватив, разумеется, и очередь. Таковая дружно и благосклонно заурчала –

в глазах, устремленных на меня, я прочитал дань уважения не только к явно цивилизованному, не иначе материковому облику, но и личному потенциалу. У меня явно прорастали крылья.

– И желательно в гамаке, так сказать для корректности. – Я парил.

– Это по фене? – в пароксизме ликования запросила мадам.

– Кто по фене ботает, тот по помойкам лётает! – державно влупил я.

Субъект зашлась совершенно уже истерически и, чуть ожив, азартно хлопнула меня по плечу в знак, конечно, великого расположения, собственно, как ближайшего друга по жизни.

– Два ноль, – сквозь туберкулезный кашель прорыдала вещь. Слезы счастья струились по невымытым ланитам.

Предыдущий домогающийся, сами понимаете, отдыхал. Впрочем, я великодушно не стал пользоваться моментом и дальнейшее развивалось в платоническом наклонении.

Мы продолжили окучивать уже общих страждущих. Наперебой пылили запасенными дома анекдотами, на что народ удовлетворенно клокотал, и возбужденные этим пускались в пафосно-снисходительные комментарии относительно расположенного окрест – мы щедро оделяли окраину империи своим присутствием. Казалось, основной перец выдохся – однако напрасно, не те ребята. В зное фанаберии

мы подзабыли о соискателе. Очередной спич кого-то из нас относительно самоутверждения внезапно был усечен восклицанием, которое вербальным способом выразить сложно. Мгновенно взгляды припаялись к виновнику, спутнику нашей любезной. Этого, несомненно, человек и добивался, ибо тело его плавно изобразило некую замысловатую фигуру. Здесь оно замерло ровно настолько, чтоб внимание окружающих набрало окончательное сосредоточение, и дальше пошло голимое творчество. Дядя возголосил (между прочим, отличным тенором):

– Мамая керо, мамая керо, ма-мая керо, мама-а!!.

Но этим не ограничился. Синхронно были исполнены несколько залихватских и вместе грациозных па. Окончательная сатисфакция была достигнута тем, что мужичок внезапно остановился, гордо воздел голову и величественно тронулся прочь от очереди. Наши носы зудели, поскольку происшедшее являло очевидный щелчок.

Словом, пиво показалось нам вкуснейшим, хоть в действительности это было пойло.

Дальнейшее пребывание в Южно-Сахалинске – что-то возле недели – особых красок не оставило. В комбинате наше появление энтузиазма не вызвало, угрюмый дядя с тухлым взглядом мычал нечто неопределенное относительно вообще приезда. Мы сами предприняли поездку в Синегорск на шахту Долинскую, куда и было назначение, и получили разочарование. Мероприятие очевидно повисало.

И тут нам повезло. Валандаясь по коридорам комбината, мы случайно столкнулись и разговорились с молодым кадровиком, выходцем, помнится, из Ленинградского горного. Уяснив наши проблемы, он поступил исключительно лояльно. Завел нас в свой кабинет, открыл какой-то талмуд в клетку, расчерченный по школьному карандашом, и предложил: – Ищите, где самые приличные заработки.

Самый высокий средний – порядка пятисот рублей, неслыханные деньги – стоял в одной строке со словом Шербунино. Мы ткнули пальцем. Ни слова не говоря, парень выписал направление.

\*\*\*

Я нарочно сделаю повествование сумбурным, свободным. Этакое эклектическое попури. Штука следующая: как всякому пишущему, и, значит, пытающемуся вникнуть в суть изображаемого, мне всегда была интересна мотивация. Разумеется, накопились соображения и о писательстве. Нашлась история, где рассказ достаточно прилично вести от первого лица, сюда я и решился приспособить разного рода наблюдения и мысли.

Стало быть, сочинительство, психофизиологический уровень. Известно, что отношения полов и писательство – самые доступные средства самореализации. Здесь не надо подручных средств: в любви сойдет одна натура, в писательстве ну-

жен минимум – перо да бумага. Даже образования не требуется, казахская метода – что вижу, то пою – годится вполне.

Всякому понятно, что литература – это моделирование мироздания, построение пространства актуализации. Не стану настаивать на трансцендентных представлениях, по которым вообще наше сознание есть сотворение некоего параллельного, косвенного мира. Мысль, исходя из собственного механизма, не способна проникнуть в существо материи, и все что мы создаем и чем пользуемся – подручные средства. Скажу проще: наша жизнь – это аналог литературы, не наоборот... Элементарный акт литературного способа существования – мечта. Другое дело, она эфемерна, летуча, маломассивна. Однако когда мы мечту записываем, начинается другая механика (исследователи говорят, например, что читать и слушать текст – два разных восприятия), ибо помещенная на носитель фраза – ассоциативная конструкция с относительно фиксированными значениями. Такая фраза обладает продуманными, стало быть, напряженными смыслами. Это напряжение и есть так называемая творческая эмоция.

Если говорить человеческим языком, то ничто, убежден, как литературное творчество не может покрыть любой потенциал, ибо только оно позволяет наделять образы и юмором, и красками, и глубиной, и нервом, и грехом, – причем относительно безобидно... Повседневная жизнь затирает образы. Окружающее как многократно используемый пей-

аж не тревожит. Та же картина, рисуемая буквами не просто обновляется, она становится иной: многозначимой, ретивой. Все это и делает писательство едва ли не самым увлекательным занятием. На мой опыт (я и наукой, и бизнесом, и спортом занимался) более захватывает разве сочинение – делание, скорей – музыки: та вообще действует на эмоцию минуя вербальные образы, непосредственно. Тут, правда, желательнее не встретиться с медведем и обладать хоть какой-то музыкальной грамотой... Словом – литература (неплохой каламбур... – впрочем, реминисценция, ибо есть: «Как на литературном поприще – обещают?» – «По Шекспиру: слова, слова, слова...»). И не стоит бояться, сочинитель – дилетант по определению (между прочим, это дает право на глупость).

Всё – относительно, условно. Все хотят самоутвердиться, и литература содержит сильную иллюзию значимости, ибо конструирует особый мир (вспомните Толстого: литература – вторая реальность). Даже деньги не дают такого ощущения, ибо, во-первых, создают уважение (или зависть) – окружающих, а если сам с головой и достаточно критичен, четко понимаешь цену этого уважения. (Восточная мудрость, к слову, которую лихо адаптировал Лихачев: бедный тот не у кого мало, а кому мало.) И потом, все происходит в конкретных, установившихся условиях. Литература свободней – ты сам выбираешь правила. Здесь результат трудно оценить, как, скажем, в горном деле, или спорте. Непризнанные гении – сугубо литературная история. Еще: я ценю литерату-

ру, между остальным, за отсутствие цели – «цель с приближением становится все туманнее».

Или. Кто, будучи в ссоре (неважно с кем), не придумывал мысленно сильные, проникновенные слова, кому не грезились их ответственное воздействие на оппонента. Да, зачастую слова или не произносятся, или не имеют желанного воздействия, но проговорить их мы желаем неумемно. Собственно, именно эта акция – отнюдь не реакция объекта ссоры – гасит пожар негодования, либо вводит в рассудочное русло. Это же и есть идея литературы. Ничто как она не реализует опыт душевных мышц.

Размещу аллегорию. Литература методологически подобна психологии, социологии, истории. Стало быть, в Японии существует «сад камней». Считается, с любой точки зрения невозможно разглядеть все камни, что-то остается вне поля зрения. Психология, скажем, подобна: старается найти новые ракурсы, однако так и не удается ухватить человеческую натуру во всей многоцветности. Причина – горизонт взгляда. Поднимись вверх и узришь. Крылья и дает литература... Но. Подожжен неподалеку костерок, и дым стелется над садом. И уже контуры срезаны, и колышется иная булыга в волнующей зыбкости, в то время как взор психолога под дымком ясен и строг. Однако литератор имеет еще ощущение полета, свободы, и этим очарованием невольно наделяет пусть и смутноватую натуру.

А с такого края. Литература уж тем легка, что тут не нау-

ка, скажем – тащи у предшественников сколь угодно, никто не поправит, а то и похвалят за традицию. Как скомпоновать надерганное – дело вкуса.

\*\*\*

Шебунино назывался самый южный населенный пункт Южно-Сахалинской области, обслуживающий одноименную шахту. Словосочетание, озаренное неизгладимой романтикой. Неподалеку замечательный пролив Лаперуза, где «я кидаю камешки с крутого бережка» и виднеется в лиловой дымке остров Хоккайдо. Представляете?! – в начале семидесятых, пусть даже в виде туманных контуров, Япония. Между прочим, километрами пятью южнее поселка начинался непрерывный пахотный рубец по прибрежному песку – пограничники якобы запрещали местным заступать за него (заступали, понятное дело), чтоб изобличить по следам шпиона, выбравшегося из морской пучины.

Итак, мы ехали в Шебунино. Замечательная матрица (несколько уютных вагончиков) бежала по равнине, утыканной нечастыми и приземистыми кривоствольными деревьями с приплюснутыми кронами, вдали чрезвычайно живописно громоздились разномастные сопки с куржаком неразличимой растительности – задумчивые пейзажи, вынутые из телевизионной Страны восходящего солнца. Мираж, предчувствие, терпкое очарование цивилизованного Востока.

ка... Матриси азартно тарыхтела на стыках и часто, угадав в расхлябанное полотно, дерзко шныряла, созидавая веселую жуть. Все это славно купалось в свете нещедрого кукольного солнца, веско посаженного в небе, где плавали редкие и маленькие пилигримы, похожие на следы залпов старинных пушек, и было наполнено ощущением сильного будущего (даже тут нам везло: Сахалин – страна волглая). А дальше и побережье, разлатые красоты морского исполина.

Еще в транспорте доброхоты поведали к кому лучше обратиться и вообще как жить. Шахта встретила пустой – разгар смены – в конце концов, волонтер из рабочих сопровождал до общежития. Описывать поселок не имеет смысла – все шахтерские поселения тех лет неотличимы: одноэтажные барачного типа, вполне ухоженные строения, неизгладимый налет производства даже на жилье.

Другая вещь природа. Сразу просится сказать: дело происходило в субтропиках, жуткая влажность. Остались фотографии, где мы в зарослях бамбука, либо под зонтами полутораметровых в диаметре лопухов. Трава в человеческий рост. Страшно люблю фото с Емелькой на раскидистом дереве с крепкими негустыми ветвями, переплетенными лианами – по ним было сподручно лазать, и они обладали странной, темной кожей, гладкой и неприятной, оставляющей ощущение влаги – экзотика нагая.

Сопки, величаво окружавшие поселок со всех сторон – тот лежал в широкой лощине. Маленькая речушка, по вес-

не отчаянно разбухавшая, с нерестом (сима, горбуша) и прочим. В близкой обозримости ворота к океану меж величественных холмов. Девственная природа, казалось нам – впрочем, и на самом деле в краях водился медведь.

Первая неделя являла собой безделье, мы проходили техминимум на шахте, исследовали окрестности (собственно говоря, за пару дней все было изучено). Я существенно пропорол ногу, наступив на гвоздь, и дня три до одури читал (в дебрях оказался приличный книжный отдел – между прочим, и вообще продавалось шмотье). А дальше пошла жизнь.

Питались мы в столовой – позже приноровились готовить и дома – обслуживающий персонал в основном состоял из очень даже адекватных девиц. Разумеется, имели место взгляды, хиханьки, прочая подобающая возрасту дребедень. В итоге одна из девушек, бойкая, с облупленным от загара, словно юный картофель, носиком, независимо подошла к нашему обеденному столу, хлопнула передо мной листок бумаги и, развернувшись так, чтобы грамотно взвилась и без того короткая юбка, не менее гордо ухилила. Естественно, насыщательный акт немедленно прекратился, и взгляды соратников мучительно вперились в мои бегающие по документу глаза. Эпистола содержала не более-не менее вызов на свидание. Во столько-то часов, там-то.

Резко по выходе из заведения было предпринято совещание.

– Провокация, куш за сто! – безапелляционно объявил

Конде. – Заманит подальше, там местные и порезвятся. Дескать, нефиг тут всяким с материка со своим уставом... – Тон его стал совершенно суров: – На корню надо таких...

Почему-то принятие стороны мнимого противника прозвучало творчески – я сию же минуту принялся разделять его пафос. Да и посудите, взгляд другана был сухой и немигающий. Собственно, он был единственный женатый из нас, и уже это составляло надежность обещания. Наконец «куш за сто» – с этим трудно спорить.

Однако возьмите, не пойти – это уж совсем аморально. Собственно, реноме... Постановили после небравых прений: будет организовано скрытое сопровождение. В случае казуса конвой с диким воплем – вопль брал на себя Серега – выскакивает из засады и с кулаками и кольями наперевес (кол организовывал Леха, он немедля после принятия резолюции начал шарить взглядом по окрестностям и вскоре раздобыл подходящий огрызок черенка от лопаты) повергает оппонентов. Словом, сподвижники раздувались решимостью, что меня несколько успокоило.

Признаем факт, эскорт миссию не выполнил даже и не по отсутствию врага, а исходя из того обстоятельства, что куда-то запропастился по причине предварительного принятия и необходимости продолжения (а как вы хотите, операции подобного масштаба непременно требуют подсобных мероприятий); то есть товарищи элементарно свинтили за добавкой, напрочь забыв об уроке.

Словом, первое свидание прошло совершенно благополучно. Интересующейся оказалась не та, что доставила записку, а именно девушка, которая мне нравилась. Мы прогуливались по берегу океана, говорили ни о чем, стало быть, имея в виду слова, как предварительную стадию, и перспективы ближайших двух месяцев неумолимо шли грязной полосе уходящих, с алеющей каймой над горизонтом, облаков и безмерному тлеющему небу... Здесь же была оговорена экскурсия на некое потайное озеро в компании подруг Светы и моих орлов. В общем, практика обещала быть.

Экскурсия. Там, километрах в пяти от поселка существовали останки корейской деревеньки. Случился рассказ о том, что таковую вырезали японцы – оказывается, уже в годы Советской власти Сахалин не весь принадлежал России, и азиаты резали друг друга за здорово живешь. Действительно, продемонстрированы были руины явно нерусского происхождения, действительно, веяло чем-то раскосым, жестоким, – самураи, банзай – зачем-то упомянуто произошло слово Чанкайши. Озерко действительно, запустелое и одновременно аккуратное – лаваша лилий, камыш, висячий кустарник. Впрочем, до того ли нам, когда в арсенале находилась гитара (я подначил Свету на инструмент), немалые порции жижи, и блистал женственностью контингент. Игриво завивающийся дымок костерка, отменная закуска – всё расхоже и эксклюзивно.

В общем, кончилось ничуть не платоническими вещами,

хоть пока и в рамках доступных общему обозрению – в те годы какие-то понятия о целомудренности еще были на слуху. Многое отслеживалось на фотопленку, и я с умилением недавно обнаружил молодые пьяные объятия на фоне восточных пейзажей.

...Кстати упомянуть, у Конде имела место забавная сцена по прибытии в Свердловск к очередной невесте. Кто-то из ребят сунул в его сак фотку, безусловный компромат, где Валерка нагло сосался с курортно-производственной пассивой – та курносая картофелька. Людмила, чрезвычайно фешенебельная и амбициозная особа, по существу, отбившая товарища у первой жены (тогда у них происходил период влюбленности) естественным образом сходу сунулась в багаж, вождедея подарков, и напоролась на конфуз. Незамедлительно случился визг. Цунами, тайфун, прочее – в любом случае не окараетесь, будьте спокойны. Валера, переждав первый ажиотаж, повел себя исключительно технично. Он создал гневные очи, зрачки негодующе вращались.

– Как ты могла подумать! – было произнесено угрожающим тоном.

Полагаю, этот и вообще не особенно эффектный ход не так уж сильно поколебал бы человека – женщины, известно, ребята ушлые – но то, как повел себя пройдоха дальше, достойно самых превосходных эпитетов. Он внезапно сник и, молнией выбросив руку, перехватил ужасную карточку. И вкусите смак дальнейшей сцены.

– Я... с этой уродиной?! – Мой друг гордо ткнул пальцем в блудливо прильнувший силуэт. Здесь голос приобрел крайнюю степень торжества и одновременно спокойную злобу. – Да ты посмотри, что я с ней сейчас сделаю.

Он начал драть невинное фото в мелкие куски.

– Вот ей, вот! – подпрыгивал в исступлении сама поруганная честь. Затем окончательно перескочил на личности: – Получи, дрянь такая! Ублюдочное животное!..

Из гневных пальцев наконец посыпались бессильные обрывки. Существовал взгляд, бушующий праведным огнем, и тон, преисполненный долга и любовной укоризны.

– Скажи что и после этого ты мне не веришь!

Разумеется, такой метод решения аксиомы никакой Ферма не осилил бы. И это было оценено...

Удивительная вещь: когда после долгого перерыва я увидел сахалинские фото, в частности, где мы с девушками лежим на пледе, разостланном по склону сопки неподалеку от берега уже океана, меня натурально обдало тонким сквозняком, стелющимся по траве с вершины. Вспомнились пограничники и старый, точно лишаем, обросший ржавой щетиной мерин с огромным, будто диван, крупом, равнодушно лупающий засиженными мухами глазами, выпученными настолько, что, казалось, смотрят несогласованно, как у хамелеона. Мы выпросили покататься верхом, и конь решительно не вез, а только капризно фыркал, вздрагивая верхней губой, шарнирно и судорожно ходил ушами и прядал головой

и шей с обвислой, редкой и ровной, словно гребень, гривой.

Таки потрогаем и производство. Очень вскользь, чтоб проще представить вещи, которые неизбежно войдут в рассказ. Уголь брали уступами, буровзрывным способом. Угол падения пласта – ломанный: если в верхней части лавы уголь отгружали на конвейер, то в нижней шел самотеком. Звенья, по два человека, следующую смену смещались на соседний уступ. Внизу было работать с одной стороны проще – уголь сам уходил – но и сложнее, ибо лес на крепление доставался тяжелый, с необъятными порой комлями (верхние работы, естественно, выбирали полегче). Помню, если срывалась вверху лесина, то неслась вниз с нарастающим шумом, под ор «Бойся!!!», и будто спички выламывала уже раскрепленные стойки. И вообще, летящий сверху уголь, разбивающийся о стойки, случалось, больно тыкал в спину, а другой раз, когда подставишься, и в лицо.

Работали в три смены, мы с Конде были в одной бригаде, с Лехой и Серегой в разные. И жили – мы с Валеркой в одной комнате, ребята в иной. Отсюда и виделись подчас только на выходные. Отсюда и с девчонками общались в паре с Кондеем. У него Таня, которую рвал он «из сердца вон» так беспощадно, моя – Света. И то – если выпадала удобная смена.

Вообще говоря, жили нескучно. И народ оказался общительный, и мероприятий доставало. Ясной чертой населения поселка являлась разнородность, оно представляло конгло-

мерат, солянку; аборигенов здесь, кажется, не было вообще (отчего-то непременно за каждым жителем угадывалось мутное прошлое), отсюда мы не боялись отпора местных на наши происки относительно женского пола.

Вспоминаю ансамбль «Поморы», что облагодетельствовал гастрольным заходом, вполне грамотный, с приличной аппаратурой. Популярная артистка (Светлана... м-м... надо же, забыл фамилию – она играла, скажем, немилосердную любовь лейтенанта Шмидта... Коркошко!). Экскурсии в города... Отложились поездка в Холмск. Море случилось нервным, грязным, буруны, грозно шипя, бросались на захлащенный морской водорослью берег. Тучи низкие, лохматые, словно сотлевшее тряпье; насыщенный почему-то запахом нищеты ветер. Вычурной резьбы скалы, Пять братьев, уныло и неприкаянно торчащие в оборках желтой пены порядочно от берега, – точно фигуры на шахматной доске, или изваянные неземным резцом истуканы острова Пасхи.

Мелькают воспоминания: бывший зек Витя, учивший нас пить одеколон, от которого самого же вывернуло страшно, до желтого лица; либо свадьба, куда угодили, припершись вечером к девицам – пир давали в столовой – и были приглашены за стол. Там одна дама повела себя провокационно: пустилась окучивать Конде. Поскольку присутствовал муж, амбал с выпуклыми глазами, Валера пытался увильнуть. В итоге даму увез на мотике лейтенант пограничник (застава была неподалеку), но учинять расправу громила все одно прино-

ровился над Конде, то есть методично старался шабаркнуть его по голове непечатым ноль-восьмым фуфырем, – Валера под визг наших подруг сосредоточенно ловчил уклониться. Пришлось ввязаться в драку. Пограничник достался сердобольный и, масляный и утомленный, все-таки вернул гражданку в коляске мотоцикла и не в меру потрепанном виде, – у той немедленно возникла любовь к мужу и благоверный, преисполненный счастья, от нас отстал.

А море!

Берег подле поселка являл собой намытую полосу песка, который плавно уходил в воду и здесь морской слой представлял из себя мелководье где-то в полметра. Ширина плеса была метров под сто, а дальше следовал резкий обрыв в глубину. Все это сооружение почему-то называли барьерным рифом, и даже обещали сразу за ним акулу (думаю, для куражу). Впрочем, я не видел, чтоб кто-то кроме нас в море купался, и это понятно, температура воды была не ахти (какие акулы!) ... Иногда мы находили вещественные доказательства близости Японии: обрывки цветистых полиэтиленовых кульков – тогда в России таковых не существовало – резиновые подошвы сапог любопытной формы (у японцев большой палец на ноге отделялся отдельным мешочком, как у нас большой палец на руке). Все это, безусловно, горячило...

У Мураками герой мечтает: «Хорошо бы превратиться в коврик у входной двери. Лежать бы всю жизнь где-нибудь

в прихожей». Европейцу такое в голову не придет – топчет кто-ни-попада. Подсознание японца: ничего не делаешь (отстраненность) и служишь.

Их ассоциации: «На лице – застывшая улыбочка, напоминавшая мне сломанный холодильник», «ощущение, будто присел покурить на обратной стороне Луны».

Смотрите, как раздевает японец подружку: сначала очки, потом часы, дальше браслет. С чего начнете вы? Но вообразите процесс и обнаружите пряную целесообразность (обратите внимание, современная японская блузка изрядна пуговицами).

Я бы сказал так: «Восток – дело круглое». Конфуций: «Если человек добр, он может *использовать* других», – объемно и законченно.

...Так вот, на плесе происходила вполне интенсивная жизнь. Во-первых, все дно было покрыто стелющимися по дну лентами водорослей, среди которых в достаточном количестве ползали крабы – повсеместно в песок зарывались отломанные клешни, бесхозно торчали ребра ракушечной скорлупы. Эти водились двух сортов: красные с волдыристыми панцирями, воинственные на вид, семенящие боком с одной непременно задранной, как ковш экскаватора, клешней, и другие, зеленовато-серые, омерзительно, по-стариковски мохнатые (они, между прочим, считались вкуснее). Помимо, выпрыгивала из-под ног, оставляя дымок песка, камба-

ла, юркала другая невеликая рыбка. Если к последней под-  
водили руку или другое орудие добычи, она с поразитель-  
ным проворством стреляла на метр вперед и тут же зами-  
рала, точно приглашая к игре. Леха утверждает, что это ко-  
рюшка. От искушенных людей мы узнали, что бить товари-  
ща надо вилкой в хвост. На камбалу нас учили делать само-  
дельные гарпуны, насаживая на палку расплющенный и за-  
зубренный на конце гвоздь.

С рыбой, понятно, в поселке проблем не было. Как водит-  
ся, шахтеры часто хвастались подвигами на этом поприще –  
по совести, нас нередко угощали. Один человек из бригады  
Лехи освоил тайменя в шестьдесят килограмм. И верно, на-  
ши подруги притаскивали на пикники литровые банки икры,  
причем здесь же и готовили.

Нет, о скуке и речи не могло быть. Собственно, я любил  
вечерние смены – милое душеугодие утренней необязатель-  
ности, неизменный и родной Валеркин нудежь. Но главное,  
удавалось запоем читать (допускаю, здесь я окончательно  
стер глаза). Еще строгал обширные письма свердловской по-  
дружке, будущей жене – сочные, мне казалось, усугубленные  
романтикой географии и греха (любопытно бы перечитать  
корреспонденцию теперь – неизбежно барахло).

Помню, прочел рассказ, где во время войны плакала де-  
вушка тому, что дождь сломал ей прическу, когда выполня-  
ла смертельное задание. Что за нелепость, напыщенно пре-  
зирал я. Как был глуп!.. Но абсолютно точно – именно тогда

меня впервые обожгла мысль, что женщины иные существа – имел место разлад со Светкой по пустяку – и помню светлое томление по домашней привязанности (не припоминаю, корил ли себя за измену, – вряд ли).

Сверх того я, заядлый меломан, купил радиоприемник и безвозмездно наслаждался западной музыкой, достающейся от Японии. Сетка вещания там, по моим наблюдениям, на всех волнах неизменна – минут десять монотонное курлыканье, вероятно, новости, песенка, опять конвульсивное ёканье. На песнях я, конечно, отрывался, ибо в те годы раздобыть что-либо подобное в вотчине было просто нереально.

Изумительны грозы на Сахалине – остров аномальный, набит в недрах магнетическим веществом. Тучи собьются, тугие, ядреные, и в их буклях, освященных сумасшедшими красками Врубеля, шныряют червонные сполохи. Не совокупно, точно рожденный в отдельном случае, с нарастающим гамом, что повалившееся дерево, охнет раскат. И сыплет звездопад отборных капель, гулко лопающихся о дырявые лопухи, часто, пузыристо рассыпая озорные точеные вулканчики по травянистым лужам. Жадно гудят кровли низких крыш и деревянные тротуары... Выбегали на улицу, впитывали. Как дивно бурлила и пенилась глинистая вода в толстых ручьях, собранных с гляцевых сопок.

– Вы обратите внимание! – кричал вымоченный напрочь Конде.

– Аааа!!! – соглашались мы.

Затем жирная, потная синева и ликующее солнце. Хорошо!

А утренний бриз, глядящий нежной свежестью шею, идущий от оцепеневшей плиты моря, местами покоробленной нужной рябью, и точечные, осторожные возгласы птиц – это, братцы, явление.

Кот Мотофей, дымчатое чудовище, которого закармливали всей общагой – он, кажется, был бесхозный. Домашнего зверя не люблю, и в отместку Мотя постоянно терся, подло мурлыча, о мои ноги. Хмурый сосед, с которым гоняли в шахматы. Лаконичный до восторга. Вот образец общения:

– Здравствуйте, Семен Палыч.

– Ладно.

– Погодка нынче... Вчера дождь шел, а сегодня сияет – живи, не хочу. Партейку, что ли!.. Ваш ход, Семен Палыч... Давеча слышал, ученые замутили человека со свиньей скрестить. Тонко. До чего ушлые ребята – все нейметса, все пыркаются. Вы, Семен Палыч, как к ученым?.. Понял, никак. Пу-пу-пу, что-то ферзюка у меня бездействует. А вот такой коленкор, как вы взглянете?.. Нда, взгляд ваш, прямо скажем, неказистый. Ну хорошо – тогда маневр по флангу, так сказать, ход курвиметром... И здесь не впротык. Какой-то вы, Семен Палыч, неавантажный, я бы даже сказал, сильно гуттаперчивый. А вот получите презент от некоего офицерского чина... Вчера «У озера» показывали. Умеет Герасимов. Вы как к проблемам Байкала?.. Понял...

– Мат.

– Нда, нэ отэц. Черт, зря мерина пожертвовал... прощайте, Семен Палыч.

– Живи...

Наконец мы начали зарабатывать деньги. Первая получка возбудила нас чрезвычайно. Как, в сущности, немного надо молодому телу, как умеет даже толика в виде тривиальных денежных знаков резвить силы и чаяния, расшатывать дремотные потенциалы. У кассы бросились мечтать о покупках и вообще. Впрочем, все кончилось «Плиской» и «Гамзой» в плетеных полуторалитровых бутылках (отоварка поселка имела дискретный и малоассортиментный характер). Однако собственнические ощущения теребили надежное чувство уюта.

С наслаждением вспоминаю одну из бригадных посиделок. В обиходе предприятия существовала разномастная система поощрений, в числе которых имела место невеликая бригадная премия не помню уже за что. В раскидке на брата это составляло мизер, и самым естественным образом штука скупом пропивалась. Как только мастер сообщал, что корячится прелесть (это предусмотрительно происходило в середине смены и непременно в конце недели – о народе в те времена заботились), сидевший на кнопке кореец, лицо для плановой выработки малозначимое, моментально улетучивался. Стало быть, бригада после помывки, а кто и сразу из лавы – из тех, что угадывали на сложные уступы и закан-

чивали последними – стремились к столу, который уже давно соорудил кнопка Угай прямо вблизи от запасного бремсберга. Столом служил раскинутый на траве тент с обильной снедью и соответствующим количеством влаги.

Помнится, попав первый раз на подобную смычку, мы с Конде сразу почувствовали себя в тарелке и держались достаточно свободно. Это позволило наблюдать за мужиками цепко и должным образом обзавестись впечатлениями. Замечательно сохранилось, как Вася Жиров, тщедушный на вид и озорной молодой мужик – он был недоучка, слинял из Приморского горного техникума – нарочитым иерихоном воспел первый тост:

– Сущие в отце нашем Бахусе, возлюбим друг друга, братие!!

По случаю линьки Вася был великий книгочей, не миновавший блеснуть заковыристым словом, цитатой и прочей заумью. Народ уважительно хлопнул, пошел сосредоточенный заед.

– Не, ну Альенде – фона-арь! – возмущенно сверкнул очами невысокий пожилой квадрат, числившийся Толиком, после недолгого поглотительного акта. – Бескровное общество, непротивление злу! Какого фуя!

Тотчас вспенился ор, люди кипели готовностью защитить социалистическую идею и прочей ортодоксией... Между прочим, к Советской власти многие сахалинцы против ожидания были не очень лояльны. В отличие, к примеру,

от шахтеров-северян, где состав был чрезвычайно разнороден (множество западных хохлов). Истоки для меня и теперь невидимы... Впрочем, здесь дебаты держались недолго – при этом пара приходов не преминули случиться – и гам рассредоточился по секторам.

Стоят перед глазами развалы съестного: янтарные балыки, копченья, соленья, охапки заморской зелени, которая тогда в народе кроме лука и укропа была скудно представлена. Нам дали аванс, но довольно скромный, и молодая слюна торжествовала. Шахтеры, понимая, потчевали нас с лукавым умилением. Леша, взрывник, высокий и худой как жизнь, тряс перед нашими очами шматом мяса и до крайности резонно увещевал:

– Вы, братцы, рубайте – оно... в желудок.

Через полчаса я плавал в окончательной неге и обожал малейший изгиб времени.

– Ты понял, сима – она глину любит. Потому ее надо брать в верховьях. Горбуша – костистой, та еще сволочь, ты понял... – басил Леша Кондею, который, услышав ремарку, грамотно прикинулся рыбаком (ни бельмеса в действительности).

Меня взнуздal Тарас – он сам рекомендовался как смесь хохла, бурята, русского и декабриста – детина с узкопоставленными глазами и арбузоподобным животом:

– Ты на Угая ня зыр... – Я заикнулся относительно трезвости «кнопки» – тот сосредоточенно питался, смешно скосив

глаза к концу носа (азиат, и так-то глаза...). – Воны ж хитрованы. На своем огороде работящи люто, до сумерек не отвадишь, а на государство – не... То у яво копчик ломит, то чирай... – Взывал тут же: – Ваше огородие! Почем ведро гарбузов?

Угай, окончательно сузив глаза, сморщивался, губы не разомкнувшись, растягивались в лукообразную загогулину, кивал часто. Тарас радостно залоснился, вспомнив, по видимому, натюрморт, и артистично изваял:

– Штаны перед мастером скинет, веращуть: сирей в золе, сирей в золе... и пальцем тычет. Гы-гы-гы!

Плечи Тараса тряслись, глаза закрылись, из губ шла свистящая трель. Резко остановился, повернулся ко мне.

– А вот-ка попробуй корейской закуски. – Он потянулся за поллитровой банкой с какой-то однородной массой.

Угай, углядев действия коллеги, одобрительно улыбался. Я ответно оскалился и ухватился за свою кружку.

– Так это... – усердно добавляя в голос басок, решительно изрек я. – За прожиточный максимум бы не грех... под это дело.

Тарас с готовностью взвил свою пайку. Дернули; следом я, ухватив порядочную горку закуси, глядя на Угая с выражением солидарности и международного братства, ахнул ее в рот и, неразборчиво жевнув, проглотил. И в ту же секунду уяснил, отчего так затейливо поглядывали на меня товарищи.

В моем теле произошел мартен – я понял, что случается, когда в сомлевшую топку поступает очередная порция горючего. Впрочем, тела уже не существовало – все происходило на рефлексах. Рот раззявился, я начал производить глотательные спазмы. Ей богу, видел как из глотки, словно из пасти дракона, вырываются снопы пламени. Даже гогот не слышал, мои чувства были уничтожены. Никогда и представить не смел, что пища может являть такую гремучую смесь.

Когда чуть очухался и ближайшее обрело контуры, увидел, как Тарас, вытирая слезы, пихает мне в руку кружку с лимонадом. Я резко схватил и через продолжающиеся конвульсии принялся жадно глотать. Угай подпрыгивал от восторга и горловым голосом повторял:

– Вкусная собака, осена вкусная.

Как выяснилось, закуска составлялась из собачьего мяса и жгучего перца в соотношении, предполагаю, один к двум. То, что мы видим теперь в изобилии на рынках, представляет собой адаптацию, призрачное подобие. Позже выяснится, Угай совсем не то, что видится на первый взгляд. Человек с высшим образованием – кроме него таковым обладали верх пяток человек на всей шахте. Наш начальник участка, скажем, как и многие из комсостава прошел Приморский горный техникум. Словом, Угай работал в верхнем руководстве, пока не случился конфликт, где гражданин взял принципиальную позицию. Иначе говоря, в небе возились купидоны облаков, блажили о ненасущном птицы, и мир был создан

исключительно для нас.

Я жадно наблюдал за мужиками. Там был и Коля Васильев, дядя рачительного движения и густого голоса – он, случалось, подбрасывал нам впоследствии рыбу – крушивший зубами стакан, страшно вращая глазами, и хохотавший затем раззявленным ртом, из которого валилось искрошенное стекло. «Мамма миа», имел манеру поминутно вставлять он. И замкнутого склада Матвей, не проронивший ни слова кроме периодических «эй, на баке – свистать всех наверх!» или «задрать иллюминаторы», одинаково уведомляющих, что время наливать, в котором я заподозрил бывшего моремана и ошибся, ибо тут был случай деревенского парня, служившего в Москве, где познакомился с Сахалинской девушкой, да и приволокся за ней тащимым сердцем.

Чухоня, косоглазый чудила, в вечно сытой, чуть величавой улыбке, таскавший в мирское время на шее женские бусы.

– А в хайло не угодно ли! – имел обыкновение, часто и забавно мигая, беззлобно спрашивать он, когда кто-либо витийствовал длинно или не то. «Ваши льготы, синьор-гражданин, накрылись медным тазом – стало, гони папиросу». Его. При своей внушительной массе он первый начинал клевать носом и, роняя голову, держа притом осанку, принимался вкусно посапывать. Всхрапнув, с равномерным промежутком просыпался и, страшно пронзая глазами, тонко вопил: «Всем оставаться на местах!..» Ему вообще были присущи

два начала: приязнь к Васе Жирову, которая выражалась ерничаньем по поводу страсти того к старославянским цитатам, и особенность выдавать обещания угрожающего свойства, что являлось законченной напраслиной, ибо личность была качества изрядно мирного. Например, если в компании присутствовал любимчик и его корили, Чухоня сулил: «А буде изгальяша над прицными, получательством возобладати».

Как жили эти люди в своих барачных квартирах с общими отхожими на улице, которые заваливало зимой двухметровым снегом? Теперь, во всяком случае, это были милейшие товарищи, загадочные, впрочем, чем освещала их отдаленность от надуманной цивилизации.

Вообще, один из существенных моментов производственных практик – ознакомление с человеческим материалом. Диву даешься, какие встречаются экземпляры – мастера ошеломляющие, соленые острословы.

- Умный, однако, у нас Петров.
- Нормальный, это ты дурак...
- Слушайте, а премиёшка нынче добрая отвалилась.
- Добрая, только маленькая.

Неизменные фразочки: «Раньше! В былые времена я на бабу без ружья хаживал», «Не болтай ерундой», «Захерел ты, Коля – тетка нужна для введения хозяйства».

Садится, закуривает: «Убыю-ка в себе лошадь».

В бригаде Игоря работал дядька, Февраль.

- А почему Февраль-то?

– Так в башке не хватает...

Народ тертый, разнокалиберный, своенравный. Присутствовал при стычке одного рабочего с начальником. Орала, похватала обушки, и только навалом всей бригады свару уняли.

Особливо занимал мое внимание Вася Жиров, улыбочивый, несмолкающий, его бесподобная изворотливость приводила меня в ликование.

– Ты чего сегодня не зачистил, – пенял рыжий и трезвый, хоть вровень пивший мастер, – опять Крылов на другую смену лишку запишет (Вася, несомненно, торопился на мероприятие).

– Да я же вчера выходной был, – открещивался, выпучив глаза Вася.

– Причем тут вчера – вчера у Макара мышь отелился! – задохнулся мастер.

– Как причем? В Невельск ездил, радиоприемник японский купил.

– Ты чего, гад! – угрожающе настораживался мастер.

– Михалыч, ты ж сам просил пассатижи фирменные посмотреть. Все в абгемахте, хоть сегодня приходи, получишь свои плоски.

– Нет, ты на полном серьёзе?

Позже подобную сцену играли Ильченко и Карцев.

– Жаден ты, Коля, зажилил горилку, что родня прислала, – добросердечно сетовал Вася носатому хохлу.

– Я?! А жешь вспомни, полгода как ночью тебе плакон секретный отдал! Шо-та не больно магарыч! – взвился Коля.

– Добре расточих, покой приобретах. Окропим чрева, – технично урезонивал Вася, вознося посудину.

Особенно симпатично мне было его уязвимое отношение к жене. Тут он терял ловкость и напор, чем ядовитые пролетарии пользовались.

– Слышь, Вась, захожу в магазин. (Жена Василия, изящная татарочка, волоокая гурия, работала продавщицей и была особой знаменитой). Копылов, на витрину облокотясь, в Эльку вперся, стоит и молчит. Прихожу через пару часов – спички забыл купить – стоит. Ай неймаея чего! У тебя, Вась, как с этим?

– Чему посмеяхомся, тому же и послужиша, – смущенно сулил Вася.

Воздадим истине, случались из-за жены у Васи жестокие запои. Помню беседу по этому случаю.

– Что с Васькой делать? – поинтересовался один из рабочих у мастера.

– Упразднить, – сжато и хмуро отвечивал тот. Тут же обрел лирический блик очей, тон сник. – Однако глаза у Эльки... кумулятивныыы.

Зашел разговор о самогонке и я с апломбом начал демонстрировать свое «ещё тот», посвящая народ в производство пойла из политуры, о чем и вправду имел сведения лет уже с семнадцати. Меня, как первого дворового певца, старшие

до процессов провокационных свойств допускали. Надо сказать, сахалинские от лакокрасочных производств были далеки и мой профессионализм вызвал уважение. Отсюда безудержно хвастливая душа потащила дальше. Не помню, что я там нес, но дело кончилось пари, где я пообещал на мотоцикле забраться на сопку. Самое любопытное, что мужики дружно пустились, будто впервые, разглядывать мирно лежащие вокруг сопки и в их лицах читались прикидки за и против. Честно сказать, я сам был в себе уверен безоговорочно, ибо снизу рельефы смотрелись вполне доступно. Позже поведаю, как мы совершали путешествие на одну из горушек, и как смеялся я над самим собой.

В общем, ударили по рукам с Тарасом. Причем, он сообщил несколько сконфуженно:

– Однако у меня иж... и это... с коляской.

– С коляской, иж!?! – возмутился я. – Тогда вообще как два пальца!

Дело, между прочим, там чуть не дракой кончилось. Мы добавляли в каких-то катакомбах узкой кучкой, я, должно быть, уже чуя себя выигравшим пари, толкал какие-то полублатные речи, смысл, которых был тот, что со мной надо очень осторожно. С нами – не знаю, откуда он взялся – оказался крепкий, с цепким взглядом отпетый малый не из нашей бригады. Я бахвалился о скамье подсудимых, на которой мне действительно удалось побывать, и он смотрел в меня зловеще, ввинчивая нетвердый зрак. (Кажется, я оскор-

бил его обращением, имевшим тогда хождение дома. «Ара, делай!» – запамятовав имя, сказал я, подавая стакан.) Однако во мне осязаемо, точно крупная стремительная рыбка в тесном аквариуме, юркало чувство уверенности.

Вообще сказать, случались уже факты безрассудного бешенства, истоков которого так до конца и не понимаю (есть основания учитывать не только болезненное самолюбие), ибо по жизни я, как всякий рефлектирующий человек, форменный трус. Всегда боялся собственную трусость, учился сживаться с ней, как с женой, – если вдуматься, все стоящие поступки происходили в ее присутствии. Собственно, можно допустить, что сочинительство – страх перед жизнью (Ключевский: искусство любят те, кто не умеет жить). Ну да, род эскапизма – побег от реальности, уход в вымышленный мир, где-то капитуляция... Но у меня в жизни многое получалось – от чего же смываюсь? Глупости – иду как раз к себе, мне здесь лучше. Вот видите, боюсь признаваться.

«Иногда одиночество – от совести. Когда умеешь только получить. По существу оно добродетельно».

Впрочем, тогда я не знал себя и не хмельная одержимость забавлялась в куцах психики. Есть подозрение, что именно плотские и вместе идеалистические, какие-то зернистые эманации Сахалина вершили чудесные проказы всесилья... Сочиняю? – не уверен.

Как бы то ни было, соперник о перечисленных нюансах не знал и с хмурым вожделием вглядывался в мой левый

глаз, не иначе прицеливаясь и предвкушая радости грядущего рукоблудия. Собственно, он уже и удало возопил: «Эх, полным полна коробка, итит твою – есть и ситец и парча!..» – что, несомненно, предваряло атаку. Однако его унял тот сопатый хохол Коля, – он попросту сгреб человека в охапку и под мышкой унес прочь совершенно по-английски, молча.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.